

С. Д. Титаренко

Философская проза Вяч. Иванова 1900-х гг. в эстетическом восприятии Блока¹

Философская проза Вяч. Иванова — существенная часть его многогранного творческого наследия. Она формируется в контексте развития русского символизма в пору его расцвета, воплощая важнейшие для этого направления религиозно-философские идеи и мифо-теургические проекты, поэтому является ключом для его понимания. В первые десятилетия XX века прозу Иванова представляют религиозно-философские и литературно-эстетические эссе, статьи и заметки, а также лекции о дионисийской религии («Эллинская религия страдающего бога» и «Религия Диониса»), опубликованные в журналах «Новый путь» и «Вопросы жизни» в 1904—1905 гг.² Важнейшие статьи и эссе Иванова позднее вошли в его книги «По звездам: Статьи и афоризмы» (СПб.: Оры, 1909), «Борозды и межи: Опыт эстетические и критические» (М.: Мусагет, 1916), «Родное и вселенское: Статьи: 1914—1916» (М.: Изд. Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1918). Эти и другие произведения Иванова, созданные уже в римский период его жизни, исследуются чаще всего в комплексе историко-литературных проблем или же как явление религиозно-философской мысли. Намечено также рассмотрение философской прозы Иванова в художественно-эстетическом и мифопоэтическом аспектах³.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Что и как читали русские классики? (От круга чтения к стратегиям письма)» № 15-34-11047.

² См.: Дэвидсон П. Библиография прижизненных публикаций произведений Вяч. Иванова, 1898—1949 / под ред. К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 2012.

³ См.: Обатнин Г. В. Иванов-мистик: Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вяч. Иванова (1907—1919). М., 2000; Кузнецова О. А., Герасимов Ю. К., Обатнин Г. В.

С. Д. Титаренко

Иванова 1900-х гг.

«Восприятие Блока»¹

— существенная часть его жизни. Она формируется в контексте его расцвета, воплощая религиозно-философские идеи, является ключом для его творчества. В начале XX века прозу Иванова предельно насытили литературно-эстетические и дионисийской религии («Путь» и «Вопросы жизни» Иванова позднее вошли в сборник «Собрание сочинений» (СПб.: Оры, 1909), «Богословские и критические» (М.: Мусагет, 1914—1916) (М.: Изд. Г. А. Лермонтова, 1914—1916) и другие произведения Иванова, его жизни, исследуются чаще всего в контексте проблем или же как явления в художественно-эстетиче-

Иванову как теоретика символизма удалось осуществить в своей поэзии и прозе синтез философского и религиозного начал на основе символической образности и особого типа художественности. Это во многом сблизило понятийное и художественное мышление, обусловило стирание границы между текстом и метатекстом. В этом плане его опыт поэта-мыслителя был интересен современникам. Исследовать природу философской прозы Иванова и ее значимость для символизма и религиозно-философского движения эпохи невозможно без рассмотрения ее в контексте эстетических оценок выдающихся современников, среди которых Д. С. Мережковский, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, С. Н. Булгаков, Ф. А. Степун, М. А. Волошин, А. А. Блок, А. Белый и др.⁴ В данной статье мы сосредоточим внимание на эстетической рецепции философской прозы Иванова Александром Блоком.

Как уже было справедливо отмечено, «в определенные годы художественное становление Блока во многом шло „под знаком Иванова“, а их мировоззренческая близость была определяющей»⁵. Таким интенсивным периодом «погружения» в творчество Иванова оказались для Блока 1900-е гг. — время знакомства читающей публики с первыми книгами стихов и многочисленными статьями «восходящей звезды» русского символизма.

Для Блока позиция Иванова в 1900-х гг. была учительной. В письме к Белому от 6 августа 1907 г. Блок признавался: «Вяч. Иванова ценю как писателя образованного и глубокого, и как прекрасного поэта, мировоззрение же его („мифотворчество“) воспринимаю как лирику»⁶. В его записных книжках сохранилась характерная заметка от 11—12 июня 1909 г.: «Я хотел бы иметь своими учителями Мережковских, Валерия Брюсова, Вячеслава Иванова...» (ЗК, с. 145). Поэтому рассмотрение проблем эстетического восприятия Блоком философской прозы Иванова в 1900-х гг. представляет интерес как для понимания его творческих исканий,

Вячеслав Иванов // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х гг.). М., 2001. Кн. 2. С. 190—263.

⁴ См.: Вячеслав Иванов: Pro et contra: Личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: антология. СПб., 2016. Т. 1 / сост. К. Г. Исупов, А. Б. Шишкин; коммент. Е. В. Глуховой, К. Г. Исупова, С. Д. Титаренко, А. Б. Шишкина и др.

⁵ Минц З. Г. А. Блок и Вяч. Иванов. Статья 1: Годы первой русской революции // Минц З. Г. Александр Блок и русские писатели. СПб., 2000. С. 621.

⁶ Андрей Белый и Александр Блок: Переписка, 1903—1919 / публ., предисл. и коммент. А. В. Лаврова. М., 2001. С. 308.

так и для изучения истории русского символизма, на что уже указывали исследователи⁷.

Творческие связи Иванова и Блока отражены в опубликованной переписке и рассматривались в историко-литературном и типологическом аспектах⁸. Влияние некоторых образных комплексов стихотворений Иванова на Блока проанализировано З. Г. Минц и другими литературоведами⁹. Иванова также интересовало творчество Блока¹⁰. Вместе с тем проблема целостного эстетического восприятия Блоком философского и художественного наследия Иванова остается актуальной в связи с тем, что ее можно рассматривать не только на основе взаимосвязей поэтов и переключек идей, мотивов и образов, но и на основе анализа книг из личной библиотеки Блока.

В библиотеке Блока, хранящейся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, представлены сочинения Иванова 1900-х — 1910-х годов. Это все без исключения поэтические сборники данного периода: «Кормчие звезды: Книга лирики» (СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1903); «Прозрачность: Вторая книга лирики» (М.: Скорпион, 1904); «Эрос» (СПб.: Оры, 1907); «Cor Ardens: Ч. 1—2» (М.: Скорпион, 1911); «Нежная тайна. Лелта» (СПб.: Оры, 1912). Имеются отдельные издания трагедий и поэм: «Прометей: Трагедия» (Пб.: Алконост, 1919); «Младенчество» (Пб.: Алконост, 1918)¹¹. Философская

⁷ См., например: *Герасимов Ю. К.* Неизданное письмо Блока Вяч. Иванову // Александр Блок: Исследования и материалы. Л., 1987. С. 236.

⁸ См.: Из переписки Александра Блока с Вячеславом Ивановым / публ. Н. В. Котрелева // Известия Академии наук СССР. Сер. лит. и яз. 1982. Т. 60, № 2. С. 163—168; А. А. Блок. Письма к Вяч. Иванову (1907—1916) / подгот. текста и коммент. Е. Л. Белькинд // Блоковский сборник. Тарту, 1972. [Вып.] 2: Труды Второй науч. конф., посвящ. изуч. жизни и творчества А. А. Блока. С. 373—384; *Белькинд Е. Л.* Блок и Вячеслав Иванов // Там же. С. 365—373; *Максимов Д. Е.* Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1981. С. 219—230.

⁹ *Ермилова Е. В.* «Заточник вольный»: (Символы «свободы» и «нищеты» у Вячеслава Иванова и Блока) // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. С. 232—246; *Минц З. Г.* А. Блок и Вяч. Иванов. Статья 1: Годы первой русской революции. С. 621—629; *Пайман А.* У водоразделов мысли: кризис или крушение? (тема «гуманизма» у Вяч. Иванова, А. Блока, о. Павла Флоренского) // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. СПб., 2010. Вып. 1. С. 122—132.

¹⁰ *Иванов В. И.* Александр Блок. Стихи о Прекрасной Даме // Весы. 1904. № 11. С. 49—50. Републ. с коммент. см.: Александр Блок: Pro et contra: Личность и творчество Александра Блока в критике и мемуарах современников: антология / сост., вступ. ст., примеч. Н. Ю. Грякаловой. СПб., 2004. С. 21—22.

¹¹ Интересна дарственная надпись Иванова на шмуцтитуле издания поэмы «Младенчество»: «Александр Блоку, скитальцу сердца и певцу великой муки,

проза Иванова представлена книгой «По звездам: Статьи и афоризмы» (СПб.: Оры, 1909), которая содержит пометы Блока, и созданной Ивановым совместно с М. О. Гершензоном «Перепиской из двух углов» (Пб.: Алконост, 1921) (*Библиотека Блока*, кн. 1, с. 293—298). Кроме того, сохранились периодические издания с публикациями философской прозы Иванова, среди них журналы «Новый путь», «Весы», «Аполлон», «Труды и дни» и др. Большой интерес представляют пометы Блока на ряде изданий и публикаций Иванова, особенно на «Эллинской религии страдающего бога» (Новый путь. 1904. № 1, 2) и на статье «Мысли о символизме» (Труды и дни. 1912. № 1).

Целый ряд книг с пометами и маргиналиями Блока уже стал предметом специального рассмотрения, например сочинения В. Виндельбанда, Платона, В. С. Соловьева и др.¹²

Нас будет интересовать первоначальный период обращения Блока к прозе Иванова, который характеризуется открытием многогранного таланта этого пока еще малоизвестного автора и дальнейшей попыткой осмысления «внутренних» сюжетов его творчества. Это период знакомства Блока с идеями Иванова по первым публикациям его философских статей. Следующий этап — время увлеченности дионисийским канонам (1905—1906 гг.), когда Блок становится читателем парижских лекций Иванова «Эллинская религия страдающего бога», не без влияния которых возникает замысел «сонной мистерии» «Дионис Гиперборейский». Отношения двух поэтов-символистов углубились во время регулярных встреч — «симпозионов» — на знаменитой ивановской Башне¹³. Этот период завершается выходом в свет первого сборника философской прозы Иванова «Борозды и межи» (1909).

с братскою любовью Вяч. Иванов „О Боже, возврати любовь и мир в его озлобленную душу“» (*Библиотека Блока*, кн. 1, с. 294).

¹² См., например: Максимов Д. Е. Ал. Блок и Вл. Соловьев: (По материалам из библиотеки Ал. Блока) // Творчество писателя и литературный процесс: межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 1981. С. 115—189; Рычков А. Л. Пометы А. Блока в книге В. Виндельбанда «История древней философии» // Пути Гермеса: материалы междунар. симпозиума. М., 2009. С. 169—186 (публикация помет на с. 186—198); Игошева Т. В. Ранняя лирика А. А. Блока (1898—1904): поэтика религиозного символизма. М., 2013; Грякалова Н. Ю. К изучению читательских помет и маргиналий А. А. Блока // Что и как читали русские классики? (От круга чтения к стратегиям письма): коллективная монография / Н. Ю. Грякалова, С. А. Кибальник, С. Д. Титаренко, Б. Н. Тихомиров, В. В. Филичева / отв. ред. Н. Ю. Грякалова. СПб., 2017. С. 225—270.

¹³ См. об этом: Шишкин А. Б. Блок на Башне // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб., 2006. С. 85—99; Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903—1907 годах: Документальные хроники. М., 2009 (по указат.).

Первое упоминание Блоком Иванова — в записной книжке № 7 за ноябрь 1903 — апрель 1904 г. в связи с планами рецензирования изданий для журнала «Новый путь» на 1904 г. (ЗК, с. 57). Именно в это время Блок узнает об Иванове и откликается рецензией на его поэтический сборник «Прозрачность» (Новый путь. 1904. № 6). Личное знакомство поэтов состоялось в начале 1905 г., когда Блок был занят написанием лирико-философской статьи (эссе) «Творчество Вячеслава Иванова»¹⁴, созданной в контексте идей русского символизма во время активного сотрудничества с редакциями журналов «Новый путь», «Вопросы жизни», а позднее — «Золотое руно»¹⁵.

К восприятию философской прозы Иванова Блок был подготовлен обстоятельным знакомством с античной литературой и философией¹⁶, с трудами В. С. Соловьева, Ф. Ницше и других мыслителей. В этом плане показательна записная книжка № 1 со списком приобретенных в 1901—1902 гг. книг: среди авторов — античные поэты и философы (Платон, Вергилий и др.) и их интерпретаторы (В. С. Соловьев, Виндельбанд); есть здесь издания справочно-информативного характера — «Реальный словарь классической древности» Фр. Любкера, «Мифы классической древности» Г. В. Штоля, многочисленные книги по истории литературы, искусства, философии, религии, психологии (ЗК, с. 24—26).

В первой своей объемной статье «Творчество Вячеслава Иванова» (1905) Блок пишет об Иванове как о совершенно отдельном и уникальном явлении русского символизма. Из содержания статьи видно, что Блок хорошо знал не только сборники стихов Иванова, но и его философскую прозу: анализу статьи «Поэт и чернь» посвящена первая часть работы, цитируются в ней и лекции о дионисийской религии. Блок связывает утверждаемый Ивановым сим-

¹⁴ Впервые: Вопросы жизни. 1905. № 4—5. С. 194—206.

¹⁵ См. об этом: Магомедова Д. М. Проза Александра Блока (7, 240—241). О сотрудничестве Блока в журнале «Золотое руно» см.: Лавров А. В. Золотое руно // Русская литература и журналистика начала XX века: 1905—1917 гг. М., 1984. С. 159—167. Хронология творческих связей Блока и Иванова в период сотрудничества в журнале «Золотое руно» воссоздана в кн.: Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903—1907 годах. С. 242—243.

¹⁶ См.: Магомедова Д. М. Блок и античность: (К постановке вопроса) // Вестник Московского ун-та. Сер. 9: Филология. 1980. № 6. С. 42—49; Быстров В. Н. Раннее творчество А. Блока и античная философия // Александр Блок: Исследования и материалы. Л., 1998. С. 5—39; Игошева Т. В. Метафизика души в мировоззрении раннего А. Блока // Судьбы литературы Серебряного века и русского зарубежья. СПб., 2010. С. 241—251.

волистый канон в поэзии и прозе с возрождением традиции метафизической александрийской поэзии с характерным для нее приемом утаивания смысла и выступает как вожатый в лабиринте символических образов, находя вместе с читателями выход из «платоновской пещеры». Особенно близки ему у Иванова александрийские принципы «умного деланья», символы «прозрачности», концепт «двойного зрения», рассуждения о природе символа, который «имеет душу и внутреннее развитие», так как «он живет и перерождается». Блок также акцентирует внимание на понимании Ивановым сущности мифа, который «есть раскрытие *воплощения*» (7, 8—9). Опыт Иванова ценен для него, так как поэт «есть бессознательный орган» народной памяти: его воспоминания, запечатленные в образах-символах, — «наследье родовое» «всеобщего мифа» (Там же).

Показательно, что первые публикации философской прозы Иванова истолковываются Блоком в контексте книг лирики «Кормчие звезды» и «Прозрачность», что свидетельствует об осмыслении им творчества Иванова как единого метатекста. Поэтому для Блока оказывается важным художественное единство поэзии и прозы Иванова. Пометы на книге «Кормчие звезды» были сделаны Блоком, видимо, в процессе подготовки статьи «Творчество Вячеслава Иванова». Многие стихотворения он отметил красным карандашом, поставив знак крестика (*Библиотека Блока*, кн. 1, с. 293—294). Но записей на полях, которые нередко делал Блок при чтении других книг, здесь нет. Отсылки Блока к журналу «Весы», где были напечатаны программные статьи Иванова «Поэт и чернь» (1904. № 3), «Ницше и Дионис» (1904. № 5), «Копье Афины» (1904. № 10) и др. (7, 11), свидетельствуют о знакомстве с ними по первым публикациям. Блок как начинающего литературного критика интересовал журнал «Весы», на отдельных экземплярах которого, сохранившихся в его личной библиотеке, остались пометы, сделанные им при чтении.

Пометы Блока сохранились и на статьях Иванова «Поэт и чернь» и «Копье Афины» (*Библиотека Блока*, кн. 3, с. 169—170). Они свидетельствуют об интересе Блока к содержащимся здесь важным теоретическим положениям о символистском каноне в период его активного формирования. Рассматривая статью «Поэт и чернь», он

¹⁰ См.: Игошева Т. В. Пометы А. Блока на страницах «Весов» // Из истории символистской журналистики: «Весы» / отв. ред. Д. А. Завельская, И. С. Приходько. М., 2007. С. 149—160.

обращает внимание на проводимую Ивановым идею утраты «всемирности искусства». Для возврата к «всемирности» нужна «внутренняя мера», «тонкое и мудрое прозрение», что как раз и свойственно, по мнению Блока, рецензируемому автору (7, 8). Блок волнует также мысль Иванова о будущем мистико-религиозном всенародном искусстве, вещем поэте-провидце, символе как «внутренней форме» слова и его воплощенности в мифотворческом искусстве, а также феномен прозы Иванова как «поэзии мысли».

Показательно, что сам язык блоковской статьи формируется из ключевых образов будущего теоретика символизма, в частности статьи «Поэт и чернь». Можно выделить ряд важных «формульных слов» и «формульных выражений», на которых акцентирует свое внимание Блок: «большое искусство»; «внутренняя мера»; «тонкое и мудрое прозренье»; «дух мифа»; «страдание отъединенности»; «умное деланье»; «слово-символ»; «слово-заклинание»; «символ неадекватен внешнему слову»; «символ „имеет душу и внутреннее развитие“»; «символ „живет и перерождается“»; «путь познания как воспоминания»; «поэт „орган народного воспоминания“»; «путь символизма есть „погружение в стихию фольклора“»; «миф есть раскрытие *воплощения*»; «поэзия — „служительница мистики“»; «мы идем тропой символа к мифу» и др. Некоторые из них трансформировались в важнейшие для Блока «внутренние сюжеты» его философии истории, например, о «пути познания как воспоминания», на что обратил внимание К. Г. Исупов¹⁸.

Блок отметил также близость философской прозы Иванова своим исканиям. Во второй части статьи Блок замечает: «...философская лирика Вяч. Иванова оправдывает его лирическую философию (см. „Поэт и чернь“)» (7, 13). «Лирической философией» он называет статьи Иванова, в которых используется символично-метафорический образный язык, как и в его собственных статьях, например, «О современном состоянии русского символизма (по поводу доклада В. Иванова „Заветы символизма“)» (1910), — язык, который также требует герменевтического толкования¹⁹. Блок отмечает, что «вдохновение Вяч. Иванова параллельно теории» и что «Вяч. Иванов

¹⁸ О перекличках некоторых «формульных выражений» Иванова и Блока, например, «познание как воспоминание» и «миф есть воспоминание», см.: Исупов К. Г. Символизм Блока и символистская мифология истории: (Введение в проблему) // Александр Блок: Исследования и материалы. Л., 1991. С. 9—10.

¹⁹ См., например, об этом: Рычков А. Л. Доклад Блока о русском символизме 1910 года как развитие «мысли о Софии» Вл. Соловьева // Шахматовский вестник. М., 2011. Вып. 12. С. 207—231.

оправдывает символическую поэзию теорией». И далее добавляет: «Верим, что поэзия будущего оправдает теорию; теория — не рационалистична, она — молитвенное „созерцание“...» (7, 14).

В статье «Краски и слова» (1906) Блок пишет о «художниках слова», которым талант не дает погрузиться «в схему теории», поэтому важно «умение смотреть» (7, 15). Эта мысль созвучна его размышлению о художественных принципах Иванова, рассмотренных выше. Блока интересует путь эстетического преобразования слова, так как он идет от явления к символической сущности, а Иванов — от сущности к истолкованию явления. У Иванова реальное замещается символическим, символическое становится основой метафизики мышления. И эту загадку творчества своего современника Блок пытается понять как поэт, читатель и критик.

Проза Блока и Иванова имеет общие типологические особенности — так считает, например, А. Ханзен-Лёве. Рассматривая мотивные комплексы русского символизма, он указывает: «...литературно-критические опыты Брюсова (и даже Мережковского), вопреки их собственным намерениям, имеют исключительно „аналитический“ и дискурсивный характер, тогда как теоретические тексты Блока, Белого или Иванова принадлежат тому же мифопоэтическому миру, что и их стихотворения и драмы. Поэтому их критико-поэтические тексты являются не (только) комментариями к собственным (и собственно) поэтическим произведениям, но равноправны с первичными текстами»²⁰. В связи с этим доминирующая в мифопоэтическом символизме «поэзия мысли» «переходит к теоретико-критическим жанрам», то есть устанавливается связь между «поэзией и философией»²¹.

Как известно, исследователи творчества Блока считали публицистику, литературно-критические статьи, дневники и письма поэта «по типу содержания и по стилю» тяготеющими к художественной прозе, выделяя в некоторых из них «внутренние сюжеты»²². По мнению Д. Е. Максимова, Блок указывал на «разлучение поэзии и прозы» как невозможное для себя, поэтому его статьи «за редкими исключениями — лирические статьи»²³. Литературовед отмечает многочисленные переключки между лирикой Блока и его же

²⁰ Ханзен-Лёве А. Русский символизм: Система поэтических мотивов: Ранний символизм. СПб., 1999. С. 20.

²¹ Там же.

²² См., например: Громов П. П. Блок, его предшественники и современники. 2-е изд. Л., 1986. С. 525.

²³ Максимов Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока. С. 185—186.

прозой, что свидетельствует о переводе образного языка стихов на язык прозы, когда один художественный ряд замещается другим, а не логическими суждениями.

Это же явление характерно и для философской прозы Иванова — замещение понятия образом в форме метафор, символов, мифологем, теологем. Приемы, общие для языка прозы двух поэтов-символистов, — это прежде всего субъективный план выражения, обусловленный выдвиганием образа автора-творца и авторского мира, пронизывающий лиризм, наличие тематических лейтмотивов, символических слов-понятий, особых стилистических приемов, поэтики контрастов и т. д.²⁴

Избирая статью Иванова «Поэт и чернь» как основополагающую для своего аналитического разбора, Блок, как нам представляется, уловил важнейшую идею автора о неизбежности трагического раскола поэта-символиста и «толпы» непосвященных. «Поэт, — пишет он, — проклятый толпою, раскольник — живет „укрепительным подвигом умного деланья“. Без подвига — раскол бездушен. В нем — великий соблазн современности...» (7, 8). Поэтому столь важен для Блока образ «поэтов духа», которые «с землей разлучены» и их путь — «тропа святая в заоблачные сны». Они покидают землю: «...слепнут краски дня, преобладают часы между светом и мраком, сумеречные часы, полные зоркого общения с высями и глубями, часы ожидания...»; «вечно синий путь — куда?» (7, 13—14).

Это один из сюжетов мистериальной схемы «восхождение — нисхождение», намеченный Ивановым в ранних статьях «Поэт и чернь», «Ницше и Дионис», «Символика эстетических начал» (Весы. 1905. № 5, под загл.: «О нисхождении. Возвышенное, прекрасное, хаотическое — триада эстетических начал»). Эта схема, как мы постараемся показать далее, станет основой блоковского замысла мистерии «Дионис Гиперборейский».

Статья о творчестве Иванова станет для Блока своего рода почитательной в связи с волнующей его «идеей пути», «мифом о пути», «автобиографическим мифом», о чем неоднократно писали исследователи (Д. Е. Максимов, З. Г. Минц, Д. М. Магомедова, И. С. Приходько и др.).

Как замечал Н. А. Бердяев по поводу творчества Иванова, «религии Диониса посвящена почти вся его проза»²⁵. Поэтому одним

²⁴ О некоторых структурных принципах прозы Блока см.: Там же. С. 273—352.

²⁵ Бердяев Н. А. О книге Вяч. Иванова «По звездам» // Вяч. Иванов: Pro et contra. Т. 1. С. 235.

из теоретических источников «мистериальной биографии» для Блока мог быть дионисийский канон. Он стал важен для Блока не только в 1910-х гг.²⁶, но значительно раньше, в середине 1900-х. Блока привлекает утверждаемый Ивановым новый образ поэта-творца в связи с важнейшей темой его собственного творчества — темой пророчеств и предчувствий²⁷, а также дионисийский мистериальный канон как трагедийно-героический.

Некоторые моменты восприятия Блоком «Эллинской религии...» на основе анализа его помет уже рассматривались нами²⁸, теперь же мы постараемся сосредоточиться на рецепции Блоком философской прозы теоретика русского символизма, выделив доминантные и малоизученные аспекты.

Дионисийская мистика становится на какое-то время важнейшей внутренней темой Блока наряду с соловьевской, хотя в дальнейшем и преодолевается. Она соотносится с записью Блока о «религии и мистике» от 18 января 1906 г. (ЗК, с. 72—74). В этот же день Блок отметил важный для него шаг: «Вечером пойду к Вяч. Иванову» (ЗК, с. 74). Речь идет о посещении Блоком одной из «сред» на Башне²⁹ и влиянии на него лекций Иванова о дионисийской религии.

Характер восприятия дионисийской мистики у Блока был обусловлен не только чтением философских работ Иванова. Немаловажную роль здесь сыграли, как было отмечено выше, его увлеченность античностью, идеями Ницше, а также материалы «Реального словаря классической древности» Фр. Любкера, по поводу которого Блок отмечал: «Замечательна философская сторона мифологии (как и фактическая) у Любкера, превосходна» (VII, 46). Например, образ «весеннего» Диониса «с телом лидийского юноши»,

²⁶ См.: Магомедова Д. М. Модель мистериальной биографии в обсуждении кризиса символизма в 1910 году // Шахматовский вестник. Вып. 12. С. 70—79.

²⁷ См. об этом подробнее: Быстров В. Н. О пророчествах и предсказаниях Блока // Александр Блок: Исследования и материалы. СПб., 2011. [Т.] 4. С. 25—47.

²⁸ См.: Титаренко С. Д. Пометы А. Блока на «Эллинской религии страдающего бога» Вяч. Иванова (к проблеме неогностической мифологии) // Шахматовский вестник. Вып. 12. С. 232—249.

²⁹ О своем впечатлении от «сред» Блок писал в иронической форме Вл. Пясту: «В деревне буду отдыхать и писать — и мало слышать о „религии и мистике“, чему радуюсь. В последнее время не бывал нигде, но все еще, пройдя экзаменное горнило, чувствую „жар и зной“ последних „сред“, на которых, по рассказам, многотысячные толпы алчущих все еще <...> говорили о мистическом анархизме. При этом, ввиду сильного атмосферического давления, многие говорили на крыше, висая над безднами...» (VIII, 154).

«с лицом кающегося аскета», появляется в дневниковых записях от 7 января 1902 г., то есть еще до чтения сочинений Иванова (VII, 21). Этот образ, возможно, почерпнут из статей «Словаря» Любкера, который сохранился в составе библиотеки Блока и содержит многочисленные пометы, что свидетельствует о повышенном интересе Блока к античной мифологии (*Библиотека Блока*, кн. 2, с. 111—138).

Особое внимание Блока привлекла статья о мистериях (слово «*мистерия*» в названии подчеркнуто)³⁰. Блок отчеркнул на полях и подчеркнул фразу: «мистерии имеют свои особенные мифы <...> которые от обыкновенных мифов отличаются преобладанием символического и аллегорического элемента и недостатком твердой и ясной формации; они вертятся большею частью вокруг празднуемого божества, его рождения, жизни и смерти и т. п.»³¹ Для архаических воззрений данного круга важны были символические знамения и «эпоптии» (священные видения). Блок подчеркивает значение этого слова: «созерцание святая святых, что считалось актом доставления высшего блаженства»³². Показательно, что слово «мифология» Блок заключает в трапециевидную рамку синим карандашом, а имя «*Дионис*» пишет на полях, выделяя в тексте подчеркиванием слова: «Диониса», «фракийского и фригийского», «Диониса-Вакха», «Загрея», «Сабазия»³³. Это свидетельствует о том, что Блок в начале 1900-х гг. стремился к пониманию связи искусства и религиозных обрядов и, что главное, — хотел понять природу многоликого Диониса, имеющего различные ипостаси.

Еще до знакомства с «Эллинской религией...» Блок ищет подход к пониманию мифа как связующего звена между искусством и религией. «Точки же соприкосновения „глубинной“ религии с „глубинным“ искусством — неисчислимы, — записывает он в дневнике в конце 1901 — начале 1902 г. — В пример можно привести несомненное как внутреннее, так и внешнее сходство между богослужбными обрядами вдохновенных иереев и игрой на сцене вдохновенных актеров; ибо и священнослужитель олицетворяет Христа, и актер совершает свою литургию» (VII, 28). Обращение к чтению «Эллинской религии...» сопровождалось взаимным ин-

³⁰ Любкер Фр. Реальный словарь классической древности: Полный перевод с последнего немецкого издания под ред. и с коммент. проф. В. И. Модестова. СПб.; М., 1884. Вып. 1. С. 670.

³¹ Там же. С. 672.

³² Там же.

³³ Там же.

тересом поэтов друг к другу. И если в мае 1905 г. личность Иванова представляла для Блока загадку: «Над Вяч. Ивановым у меня большой вопросительный знак...» (VIII, 125), — то в декабре 1906-го он свидетельствует: «С Вячеславом очень сблизился, много мы поняли друг в друге» (VIII, 168).

В записной книжке № 15 (декабрь 1906) он размышляет, конспектируя трактат Ницше «Происхождение трагедии из духа музыки»: «Можно так определить лирического поэта, — сначала он как художник в духе Диониса совершенно сливается с первобытно-единым, с его скорбью и противоречием, снимает с него копию посредством музыки, если только эта последняя по справедливости считается эхом мира и снимком с него. Затем эта музыка как бы в символическом изображении, видимом во сне или под властью сна, относящегося к искусству Аполлона, является ему в видимых образах...» (ЗК, с. 79—80). 21 декабря Блок записал о своем возможном движении «к Дионису»: «...может быть, скоро придет этот новый свежий мой цикл. И Александр Блок — к Дионису» (ЗК, с. 86)³⁴, а в планах возрождения мистериального жанра наметил создание «сонной мистерии» «Дионис Гиперборейский» (ЗК, с. 86), конспективные наброски замысла которой («К „Дионису Гиперборейскому“») датированы 29 декабря 1906 г. (ЗК, с. 87—90).

Замысел драмы-мистерии «Дионис Гиперборейский» исследователи чаще всего связывают с влиянием мистериального сюжета пьесы Г. Ибсена «Брандт» и с чтением «Рождения трагедии...» Ницше³⁵. Тема «Блок и Ибсен» в настоящее время хорошо исследована, введены в научный оборот и блоковские маргиналии на сочинениях норвежского писателя³⁶. Вместе с тем название пьесы «Дионис Гиперборейский» говорит о несомненном влиянии ивановских

³⁴ Речь идет о цикле Блока «Снежная маска» (январь 1907), в котором Блок раскрывается, по словам Иванова, «как поэт истинно дионисийских и демонических, глубоко оккультных переживаний» (см.: Переписка Брюсова с Вяч. Ивановым (1903—1923) / предисл. и публ. С. С. Гречишкина, Н. В. Котрелева, А. В. Лаврова // ЛН. М., 1976. Т. 85. С. 496—497).

³⁵ См.: Гроховская Н. А. 1) Литературные влияния и реминисценции в драматическом замысле А. Блока «Дионис Гиперборейский» // Новый филологический вестник. 2006. № 1 (2). С. 62—73; 2) Ибсен в статьях Блока и Белого 1905—1908 годов // Шахматовский вестник. М., 2008. Вып. 9. С. 205—212; Приходько И. С. «Крушение героя» в сознании А. Блока 1906—1908 гг. // Шахматовский вестник. М., 2010. Вып. 10—11. С. 19—28; Чугунова Е. Е. «Океан — мое сердце...» (К вопросу о триаде «Блок — Вагнер — Ницше» // Александр Блок: Исследования и материалы. [Т.] 4. С. 175—177.

³⁶ Магомедова Д. М. Александр Блок — читатель Ибсена (по материалам личной библиотеки поэта) // Творчество Хенрика Ибсена в мировом культурном кон-

идей, преломившихся через ибсеновский образ северной страны, тип героя-индивидуалиста, одержимого устремленностью «на вершины». Ибсеновский Бранд верит в «своего» Бога и нового человека, подобного сверхчеловеку Ницше.

Блок связывает место действия «сонной мистерии» с загадочной страной Гипербореей. В названии мистерии проявлен принцип антиномизма, столь характерный для языка Иванова. Принцип сочленения антиномий использовался Ивановым для выражения сложной природы символического образа. Кроме того, доказано, что подобные конструкции имеют генетическое родство с мифологическими высказываниями³⁷.

Мифологические представления о Гиперборее и гиперборейцах сохранились в античных свидетельствах. На эти источники указано в «Реальном словаре классической древности» Любкера (*Библиотека Блока*, кн. 2, с. 111). Здесь говорится, что гипербореей — баснословный северный народ, «живущий за Бореєм», о котором писали Геродот, Плиний и другие историки и мыслители. Это счастливый народ, покровительствуемый богом Аполлоном. «В основе всего сказания, — отмечает Любкер, — лежит связь Греции с древнейшими местами Аполлонова культа на севере Фессалии»³⁸.

Упоминание о храме Аполлона в Дельфах, который строят пифии — служительницы Диониса, а Аполлон переносит в Гиперборею, есть и в книге Иванова «Дионис и прадионисийство» (1923). В комментариях Г. Ч. Гуссейнова к современному переизданию труда указано по поводу «дельфийского братства» Аполлона и Диониса: «...на три зимних месяца Аполлон, удаляясь к гиперборейцам, передает Дельфы Дионису»³⁹. Поэтому Аполлон, ассоциировавшийся в мифах с Гипербореей, в замысле Блока уступает место Дионису как образу героического и одержимого бога-героя. В статьях Иванова «Поэт и чернь», «Копье Афины», «Ницше и Дионис», «Символика эстетических начал» был намечен символистский канон истолкования миссии *poeta vates*. Образ Диониса Гиперборейского у Блока внутренне антиномичен, так как он содержит в себе «зерно» нового авторского мифа, в центре которого — образ ива-

тексте: Материалы междунар. конф. / отв. ред. Н. Ю. Грякалова. СПб., 2007. С. 65—74.

³⁷ См. об этом: *Гогтишвили Л. А.* Антиномический принцип в поэзии Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов: между Св. Писанием и поэзией: VIII Междунар. конф. Salerno, 2002. Т. 1. С. 213—214. (*Europa Orientalis*; Vol. 21).

³⁸ *Любкер Фр.* Реальный словарь классической древности. С. 502.

³⁹ *Иванов Вяч.* Дионис и прадионисийство // *Символ*. 2015. № 65. С. 413.

новского *poeta vates*. Размышления о мистической сущности религии могли привести Блока к совмещению в новом замысле волновавших его идей о миссии *poeta vates* и идей Иванова о дионисийской природе религии.

Рассмотрение эстетической реакции Блока, обнаруживающей себя в процессе чтения статей Иванова, позволяет выдвинуть гипотезу о влиянии на замысел блоковской мистерии философской прозы последнего. Важнейшую роль здесь сыграли лекции «Эллинская религия страдающего бога» и «Религия Диониса», повлияв на концепции мифа, «соборности», отдельные «дионисийские» мотивы и образы, воплотившиеся в поэзии Блока⁴⁰. Блок хорошо знал этот цикл лекций Иванова, публиковавшийся на страницах журнала «Новый путь» в 1904 г., а затем, в 1905 г., — под заглавием «Религия Диониса» в журнале «Вопросы жизни»⁴¹. Журналы с пометами Блока сохранились в составе его личной библиотеки (*Библиотека Блока*, кн. 3, с. 187—190).

Возьмем за основу одно из первых цитирований Блоком «Эллинской религии...» в рассмотренной выше статье «Творчество Вячеслава Иванова»: «Мы, позднее племя, мечтаем <...> о „большом искусстве“, призванном сменить единственно доступное нам малое, личное, случайное, рассчитанное на постижение и мирозерцание немногих, оторванных и отъединенных» (7, 8). Становится ясным, что Блока интересовала природа дионисийской мистериальной трагедии и ее значение для создания новой религиозной символистской культуры и преображения сознания современного человека.

Знакомясь с «Эллинской религией...» по публикации в журнале «Новый путь», Блок оставил на тексте свои заметки в виде подчеркиваний, отчеркиваний, выделений отдельных слов и фраз, постановки крестиков или знаков NB на полях этого сочинения. Пометы Блока очень важны. Они позволяют прояснить характер первоначального восприятия Блоком комплекса идей самой сложной религиозно-философской работы Иванова, которая не только выразила его мирозерцание, но и воплотила особенности его методологии, основанной на принципе взаимосвязи филологии, философии, антропологии, психологии и религии. В ее рамках сформировался

⁴⁰ См.: Минц З. Г. А. Блок и Вяч. Иванов. Статья 1: Годы первой русской революции. С. 621—629.

⁴¹ Иванов Вяч. 1) Эллинская религия страдающего бога // Новый путь. 1904. Янв. С. 110—134; Февр. С. 48—78; Март. С. 38—61; Май. С. 28—40; Авг. С. 17—26; Сент. С. 47—70; 2) Религия Диониса: Ее происхождение и влияния // Вопросы жизни. 1905. Июнь. С. 185—220; Июль. С. 122—148.

основной мономиф Иванова о Дионисе страдающем и возрождающемся, ставший его глубокой посвятительной «внутренней темой», которая волновала Блока и его современников. В центре его внимания — мистерия трансформации бога страдающего в сознании человека, ищущего путь от растерзанности и хаоса хтонических состояний до «высветления» и «опрозрачивания», а это уже, в терминологии русской религиозной философии, «софийный» архетип как форма идеализма⁴².

Дионисийская теория Иванова была актуальна в контексте идей «нового религиозного сознания», программных для «Нового пути». Это понимал Блок, несмотря на всю сложность своего отношения к Мережковским и к их отвлеченным теориям⁴³.

Блок, как и Иванов, воспринимает миф не рационалистически, а как путь к переживаемой им «мистической философии духа» (VII, 48). Показательна запись Блока, касающаяся понимания того, что «историческое христианство, когда пришло время гонений и прочих „раздражающих“ и раздувающих пламя факторов, так и не допрыгнуло до религии» (VII, 49). Пометы Блока на «Эллинской религии...» проясняют его притяжение и одновременно полемическое отношение к этому сочинению и утверждаемому Ивановым дионисийскому канону, нашедшему своеобразное преломление в набросках к драме «Дионис Гиперборейский».

Из всех номеров журнала «Новый путь» за 1904 г. с публикацией «Эллинской религии...» в библиотеке Блока сохранились номера 1, 2 и 9. Номера 3, 5 и 8 не сохранились, но также могли быть им прочитаны. Особый интерес для нашего анализа представляют номера 1 и 2 со сплошными пометами Блока и следами неоднократного прочтения. Пометы сделаны красным и простым карандашом и свидетельствуют об интересе к рассматриваемым идеям Иванова. Блок пытается понять сложный язык рассуждений автора, обращая внимание на его концепцию дионисизма.

«Что разуметь под греческой религией страдающего бога?»⁴⁴ — задает вопрос Иванов. Блок отчеркивает на полях фразу, в которой содержится ответ на него: это часто встречающееся представление в мифологии, «оно — душа трагического мифа, а миф греческий,

⁴² Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 1990. С. 624—625.

⁴³ См.: Минц З. Г. Блок в полемике с Мережковскими // Минц З. Г. Александр Блок и русские писатели. С. 537—620.

⁴⁴ Иванов Вяч. Эллинская религия страдающего бога // Новый путь. 1904. №1. С. 110. Далее ссылки даются в тексте статьи с указанием номера журнала и страницы в скобках.

издавна тяготевший к трагическому, стал таковым почти всецело, почти во всем своем составе, под влиянием Дионисовой религии и Дионисова искусства — трагедии» (№ 1, с. 110). Блоком выделено отчеркиванием на полях красным карандашом и подчеркиванием суждение Иванова об отношении раннехристианских апологетов к идее страдающего бога как аномалии религиозного сознания, «чтобы сделать очевидным заблуждение язычества» (№ 1, с. 112). На полях после подчеркнутой фразы стоит восклицательный знак.

Блок пытается понять идею страдания богов. На полях следующего фрагмента он выделяет фразу: «Но все, что до богов прилежит, совершается и толкуется с тем благочинием, какого не встретишь ни у эллинов, ни у варваров» (№ 1, с. 113). Далее его интересует полемика У. Виламовица-Мёллендорфа с представителями современных концепций, что также выделено отчеркиванием: «Новые ученые, видящие начало трагедии в подражательном воспроизведении страданий Дионисовых, судят так под впечатлением аналогии христианских мистерий, изображающих рождество и страсти Христовы. Они — по Виламовицу — никак не могут привыкнуть к мысли, что возможна религия без священной истории и священной книги» (№ 1, с. 114).

Одно из важнейших ключевых слов — «страстей» — подчеркнуто Блоком, и весь фрагмент, состоящий из пяти строк, отчеркнут на полях двойной чертой (№ 1, с. 115). По мнению Иванова, дионисийство — религия страстная, как и христианство. Как и христианство, дионисийская религия важна для понимания путей развития человеческого духа. Блок обращает внимание на примеры, приводимые Ивановым в связи с его идеей героического идеала у греков. Для него важно, как следует из его отметок на полях, обоготворение ими идеи страдания божества как пути для разрешения открывшейся им антиномии человеческой души. Блок подчеркивает фразу: «...как их Прометей, они умели страдать», — понимая образ Прометея как символ эллинского страдания. Он выделяет отчеркиванием на полях фразу о религиозном гении эллинов на пути прозрения страдающего Всебога (№ 1, с. 116). Во фразе: «...мы ищем осмыслить их прозрение исторически» — Блок подчеркивает последнее слово, понимая важность идеи преемственности в изучении религиозного феномена (№ 1, с. 116—117).

В первой главе «Эллинской религии...» Блок обращает внимание на параллелизм христианской и языческой дионисийской обрядности (№ 1, с. 117), на реалии дионисийского зимнего культового служения (№ 1, с. 118, 121). Им подчеркнута фраза, в которой

указано, что отличительной чертой зимних служений были «экстатические скорбь и плач о боге страдающем, преследуемом или исчезнувшем и бесследно потерянном, или растерзанном, убитом и погребенном» (№ 1, с. 122).

Блока интересуют многообразные мифологические ипостаси Диониса. Важнейшая черта дионисийства — его дуализм, двуприродность — не обойдены вниманием Блока. Он отчеркнул на полях фразу: «Двойственное впечатление оставляют обозренные пестрые празднества: религия Диониса представляется двуликой. Если „из смеха звонкого и из глухих рыданий созвучие вселенной создано“, — как говорит Вл. Соловьев, — то она отразила, отдала эхом это созвучие» (№ 1, с. 134).

Желание понять истоки культа Диониса, обоснованные Ивановым во второй главе работы, видимо, есть причина того, что эта источниковедческая часть вся также испещрена пометами. Блок отчеркивает фразу, где говорится о новаторском характере исследований религиозного феномена в трудах Гердера, Крейцера. Им подчеркнуты имена Мюллера, Велькера, Преллера, отчеркнуты пассажи об исследовании Э. Роде (Rohde) «Психея», работе Ф. Ницше («Рождение трагедии...»), который первый, по мысли Иванова, провозглашает Диониса в полноте его великой идеи. Говоря о К. Мюллере, Иванов указывает на его гениальную прозорливость, позволившую ему открыть «корни эллинской музыки» (№ 2, с. 50). Параллелизм между дионисийской религией и Ведами также обращает на себя внимание Блока. Он отчеркнул фразу: «Многие указания позволяют установить то же явление жертвенной мистики и в религии Вед» (№ 2, с. 54).

Пытаясь понять различные направления в изучении мифа и религии, Блок пытается выйти к пониманию универсальной методологии теоретика мифа. Поэтому он идет вслед за автором в попытке разрешения проблемы, отчеркивая абзацы, где указывается на односторонность многих исследований. Следующий абзац — об исторической миссии эллинства — отчеркнут Блоком двумя чертами: «Эллинство в Европе вечно живая сила, доселе обращающийся в ее жилах *virus*. И какой век может сказать, что познал до конца существо этой древней прививки?» (№ 2, с. 58).

Все это свидетельствует о том, что Блок стремился понять вслед за Ницше⁴⁵ и Ивановым значение дионисийства для религиозного

⁴⁵ В записной книжке № 15 (декабрь 1906) сохранился конспект работы Ф. Ницше «Происхождение трагедии...», где Блоком зафиксировано: «...действие трагедии Диониса и состоит в том, что государством, обществом и отдельными людьми»

сознания современного человека⁴⁶. Иванов, впрочем, идет дальше Ницше и пишет о психологической реальности дионисийства, рассматривая его как протоформу христианства.

В чем же заключается, по Иванову, психологическая реальность дионисийства, лежащая в основе религиозного опыта? Во-первых, — в чувстве вселенского страдания, позволяющем выйти «из граней я». «Мы поняли, что дионисический хмель есть состояние выхода из граней я; разрушение и снятие индивидуации» (№ 2, с. 64). Блок подчеркнул эту фразу. А герой мистерии Блока «Дионис Гиперборейский» стремится к этому преодолению через героический подвиг восхождения и экстатическое состояние. Во-вторых, в преодолении меры *безмерностью* в процессе познания Диониса. В выделенном на полях двумя чертами абзаце Блок подчеркнул фразу: «Мы постигли, что эллинская мера обуславливалась безмерностью, строй — нестройностью, веселость — скорбью, порыв — безнадежностью, космос — хаосом, Аполлон — Дионисом» (№ 2, с. 66—67).

Фрагмент наброска «Диониса Гиперборейского» посвящен проблеме поиска людьми Неведомого Бога. Дед показывает внушке, как вверх «по крутому извилистому пути среди утесов поднимаются в дальние горы люди в поисках за Дионисом Гиперборейским» (ЗК, с. 87). «Став на этот путь, — говорит Вождь, — я знал, что немногие останутся со мной. Я никого не могу принуждать следовать путями смелых туда, где в лучах заката почивает наш бог. Смелые, идите за мною — выше, ибо среди этих камней я еще не вижу моего бога» (ЗК, с. 88). Кто-то из толпы предупреждает Вождя: «Смотри, вожатый: это — последняя точка, с которой видна в тумане покинутая нами земля. Если ты пойдешь выше, (то) взор твой уже не различит ничего внизу, и ты забудешь о нашей общей родине» (ЗК, с. 89). Герою ставят в вину и желание сделать божествен-

ми (раздавленными) овладевает чувство — сознание единства, и благодаря этому они возвращаются на лоно природы. То восторженное состояние, в которое приводит Дионис, заключает в себе усыпляющее начало. Этой пропастью забвения разделяются миры — будничной и дионисовой действительности. Когда возникает сознание будничной действительности — возникает отвращение к ней... <...> В этот миг приходит единственное спасительное искусство — заглушает отвращение посредством изображений — возвышенных (смягчение ужасного) или комических (отвращение к нелепому» (ЗК, с. 81).

⁴⁶ На этот факт обратили внимание комментаторы, отмечая скрытые параллели между античной «герметикой» и попытками Блока вслед за Ивановым «увидеть „предхристианские“ мотивы в культе Диониса» и его желание понять природу дионисийских культов. См. комментарий Е. А. Дьяковой к статье Блока «Творчество Вячеслава Иванова» (7, 251—258).

ной плоть, и «опрозрачневшие» руки и лица. «Он непреклонен», «он уходит и силою своей пустой воли уводит за собой всех по извилистому и бесконечному (без отдыха) отныне пути всех, — кроме одного юноши, слабого, у которого в глазах есть еще что-то, кроме усталости», а «те, кого он считал лучшими, ушли выше его, и он не имел смелости следовать за ними: отныне они презрели его (его сомнения, не надо ли за ними?). Те простые люди, с которыми он отдыхал, остались глубоко внизу, в мутном пятне города, сквозящего перед его очами из провалов и ущелий. Нисхождение к ним было бы для него бесконечной тоской и проклятием» (ЗК, с. 89). Юноша останавливается на пути к безмерности и встречается в горах Деву. Это «Дева снежных гор».

Блок вводит ивановский мотив *меры и безмерности* и «опрозрачневания» идущих, преодолевших «меру». Этот мотив варьируется Ивановым в статье «Символика эстетических начал», где говорится: «И, конечно, божественно окрылена и опрозрачена жизнь и верен своему непреходящему я глубокий дух, если в нас живо сознание, что мы только играючи носим временные личины, облакаясь в случайные формы нашей индивидуации...». И далее: «... истинно дионисийское миропонимание требует, чтобы наша личина была в сознании нашем ликом самого многоликого бога, и чтобы наше лицедейство у его космического алтаря было священным действием и жертвенным служением»⁴⁷.

У Блока один из идущих говорит: «Те, что ушли от нас еще выше, обречены на скитания по крутизнам, по вершинам бесплодных скал, готовых рухнуть в самые глубокие пропасти. Они будут скитаться и умирать в этой вышине, если только у них не вырастут крылья. Тогда, быть может, они полетят еще выше, но мы уже ничего не услышим о них и не узнаем от них. Они будут чужды нам, как ангелы того бога, которого мы никогда не видали, но о котором столько говорят вон там, внизу, где темными пятнами лежат города и селения».

Анализируя эти высказывания, можно убедиться в том, что Блок, создавая образ одержимого героя-вождя, использует гностическую модель дионисийского мифа Иванова — познание личного бога через восхождение как выход из «платоновской пещеры». Юноша, останавливающийся на пути восхождения и встретивший «Деву снежных гор», идет своим путем, обретая через видение «Девы» истинное познание. Это путь Блока, он связан с его автобиографиче-

⁴⁷ Иванов Вяч. По звездам: Статьи и афоризмы. СПб., 1909. С. 19.

ским мифом и религией Вечно Женственного, о чем много писали исследователи, анализируя поэтику Блока и ее гностические источники⁴⁸.

Одна из фраз, подчеркнутая Блоком в тексте «Эллинской религии...», близка по мысли гностической философии и выражает ее суть: «Оптимизм теодицеи, богооправдания, никогда не соблазнял греческую мысль, потому что она не исходила из безусловного признания мира творением божества ответственного». Слова, отчеркнутые там же Блоком: «...но участь мира зависела не от богов» (№ 2, с. 67), — показательны: спасительное знание передается избранными, говоря на языке гностиков⁴⁹. Оно способно разрешить дуализм трагического мифа, заключающийся в чувстве противоположности между смертным, человеческим, и бессмертным, божественным» (№ 2, с. 73). Эта мысль также не осталась без внимания Блока.

Далее Блок подчеркивает имя «Диониса-Загревса» — символ эллинской религии страдания и слова — в том фрагменте, где Иванов пишет о *восхождении* («пути вверх») и *нисхождении* («пути вниз») в традициях гностического философствования. Приведем весь абзац, отчеркнутый Блоком: «Она учила двойственности сущего, противопоставляла жизнь и смерть как два разные полюса мировой тайны, возвещала Солнце теней — Диониса-Загревса — тем, чьи глаза закрылись на Солнце верхнего мира, открывала вечную смену двух существований — земного и подземного, учила двум путям — „пути вниз“ и „пути вверх“, разоблачала в смерти жизнь и в жизни возрождение: Солнце наверху, Солнце внизу; Гелиос — Дионис, Аид — Дионис» (№ 2, с. 73—74).

Проблема дионисийского начала как психологического состояния была поставлена Ницше. На этот вопрос пытается ответить Иванов, раскрывая суть дионисийства. Блока привлекала теория Иванова глубоким погружением в гностическую природу дионисийской мифологии. Суть гностицизма в глубокой вере в познание самого себя, преодоление самого себя, в убеждении, что спасение лежит в сфере возможностей человека. Главное, что существует формула личного спасения, заключающегося в отказе от «земной»

⁴⁸ Магомедова Д. М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М., 1997. С. 70—83 (гл. «Блок и гностики»); Приходько И. С. Александр Блок и русский символизм: мифопоэтический аспект: спецкурс. Владимир, 1999. С. 55—57 (раздел «Блок между христианством и гностицизмом»).

⁴⁹ См.: Козырев А. П. Соловьев и гностики. М., 2007.

христианской эсхатологии. Экстаз одержимой личности способствует отделению телесности («выхождению из себя») и обретению наслаждения в познании божественного. По словам В. В. Болотова, исследовавшего религиозный феномен гностицизма в форме мифа, для гностиков характерно стремление к созданию религиозной эпопеи с обращением не к «отвлеченным понятиям, а <к> живым картинам», в результате чего создается языческая мистерия на христианской почве в целях найти возможности спасения человека и человечества⁵⁰.

Блок избирает и форму гностического хронотопа — пути, который основан на формулах «восхождение-нисхождение» и состоянии сознания: «мера-безмерность».

Вместе с тем, анализируя рецепцию Блока как результат его «погружения» в круг религиозно-философских идей Иванова, можно отметить, что вскоре наметился перелом в его понимании философской прозы теоретика символизма, непреложного законодателя дионисийского канона. 21 декабря 1906 г. он отметил в записной книжке: «Нельзя даром призывать Диониса, в этом все призывание Вакха, по словам В. Иванова. Если не преобразусь, умру так в томлении» (ЗК, с. 84). К 1 августа 1907 г. относится его мысль: «Мое несогласие с Вяч. Ивановым в терминологии и пафосе (особенно — последнее). Его термины меня могут оскорблять. *Миф, соборность, варварство*. Почему не сказать проще? Ведь, по существу, в этом ничего нового нет» (ЗК, с. 96). И еще одна запись ниже: «Светлая всегда со мною. Она еще вернется ко мне» (ЗК, с. 96). Не принимает он и теории мистического анархизма, близкой Иванову, замечая 20 августа 1907 г.: «Совершенно в стороне от меня в этом отношении стоит Вячеслав Иванов, который образован и писатель замечательный (статьи его в „Весех“ и стихи). <...> Неприятен мне его душный эротизм и противноватая душность» (ЗК, с. 97).

Вышедший в 1907 г. сборник «Эрос» Блок-читатель оценивает негативно. В марте этого же года он пишет Эллису: «„Эрос“ — совсем уж не книга и не стихи, пожалуй, это — чистая лирика, которая всегда — болотна и проклята. Меч — слово, но, когда за словом становится музыкальное марево, — меч тонет. Поэтому бороться с Вяч. Ивановым (этой необходимости я не отрицаю) нужно не романтизмом, не лирикой и не манифестом А. Белого. Его чув-

⁵⁰ См.: Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви. [СПб., 1907. Репринт. изд.] М., 1994. Т. 2. С. 178.

ственную музыку можно заглушить теперь только льдом... <...> Я не боюсь Вяч. Иванова, хотя он стоит на дороге и его не объедешь. Может быть, пройти сквозь него надо жизнью...» (VIII, 182).

Не принимая мистического анархизма Иванова и его теории Эроса, Блок вместе с тем испытывает потребность в осмыслении других важнейших его идей. Показательно его суждение от 20 августа 1907 г. в связи с неприятием положений статьи С. Городецкого «Три поэта». Он пишет: «Городецкий говорит о „вчерашнем дне“, и я боюсь, как Бугаев, что за этим может последовать надругательство над Брюсовым, Бальмонтом и Вяч. Ивановым» (ЗК, с. 97). Публиковавшиеся в журнале «Весы» философские фрагменты Иванова «Спорады» вызвали интерес Блока, написавшего о своих впечатлениях: «Вячеслав Иванов в „Весях“ (№ 8) — вот это истинный „тон“, можно послушать» (ЗК, с. 115; сентябрь 1908). Об интересе к творчеству Иванова свидетельствует и его запись, сделанная 8 марта 1908 г.: «Лекция Вяч. Иванова в Петербургском Литературном обществе. Миф — объективная правда о сущем» (ЗК, с. 104).

Этот интерес к кругу идей и открытий Иванова будет подкрепляться совместным участием в заседаниях Петербургского Религиозно-философского общества осенью 1908 г., на заседаниях которого присутствовали Д. С. Мережковский, Н. А. Бердяев, В. В. Розанов, В. Ф. Эрн, П. Б. Струве, Ф. Ф. Зелинский и многие другие. Показательны доклады Блока, прочитанные здесь, а затем переработанные в статьи («Россия и интеллигенция», «Стихия и культура»), и доклады Иванова («О русской идее» и «Евангельский смысл слова „земля“»), с которыми он выступил в это же время⁵¹. Перекличка идей этих докладов может стать специальной темой исследования.

«Спорады», высоко оцененные Блоком, вошли в книгу Иванова «По звездам». Экземпляр, сохранившийся в библиотеке Блока, содержит его пометы и дарственную надпись: «Александру Блоку с любовью. Вяч Иванов», не учтенную в «Описании» (Библиотека Блока, кн. 1, с. 294—296). Маргиналии Блока пока не привлекали внимания исследователей, отсутствует ссылка на них и в недавнем комментированном переиздании сборника статей Иванова⁵².

⁵¹ См.: Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: в 3 т. М., 2009. Т. 1: 1907—1909.

⁵² Иванов Вяч. По звездам: Борозды и межи / вступ. ст., сост. и примеч. В. В. Сапова. М., 2007.

Книга вызвала всплеск интереса современников к философской прозе Иванова, так как она дала возможность представить в единстве всю сложную систему его религиозно-философских и поэтологических идей⁵³.

Больше всего помет Блока на статьях «Ницше и Дионис», «Символика эстетических начал», «Поэт и чернь», «Новые маски», «Копье Афины», «Две стихии в современном символизме», отчасти и на других. Некоторые статьи, уже публиковавшиеся ранее в периодике и хорошо знакомые Блоку, он вновь перечитывает, что можно заключить по характеру помет, сделанных разными карандашами. Это говорит о «многослойности» процесса чтения.

Пометы свидетельствуют о близости ивановских идей Блоку и неслучайности в этой связи замысла мистерии «Дионис Гиперборейский».

На что же обращает внимание Блок? Прежде всего на мысль о Ницше как провозвестнике возрождения в душе современного человека трагического бога Диониса⁵⁴ (с. 3—4), на фрагмент о пророческом прозрении в Дионисе Христа (с. 11), на идею дионисийского экстаза, которая была «внутренне освободительной силой» (с. 14). Цель дионисийского экстаза, утверждает Иванов, — совершенный человек. Блок акцентирует внимание на этом аспекте учения Ницше, излагаемого Ивановым. Он выделяет отчеркиванием и подчеркивает отдельные фразы и словосочетания: «Бесконечны ступени богопроникновенности, велики возможности духа и неугасимы истинные надежды на просветление лика человеческого и на совершенного человека, эту путеводную звезду всех исканий, постулат самопознания, завет христианства» (с. 16).

Блок отчеркивает на полях большой фрагмент текста, где разъясняется освободительный потенциал дионисийского экстаза, который носит очистительный характер: «...чтобы человек непрестанно волил превзойти самого себя». «Дионисийское состояние знает единый свой, безбрежный миг, в себе несущий свое вечное чудо: каждое мгновение для Ницше восходящая и посредствующая ступень, шаг приближения к великой грядущей године» (с. 17). В отчеркнутом фрагменте акцентируется следующий момент: дио-

⁵³ Сохранилось описание помет на этой книге, сделанных Н. А. Бердяевым. См.: Пометы Н. Бердяева на кн. Вяч. Иванова «По звездам» (1909). URL: http://www.v-ivanov.it/files/4/4_pometyberdiaeva.pdf / (Дата обращения: 06.12.2017).

⁵⁴ Далее ссылки даются на издание, сохранившееся в библиотеке Блока (выходные данные см. в примеч. 47), с указанием страницы в скобках.

нисийское возникает не как воля к могуществу (здесь Иванов полемизирует с Ницше), — это познание как «экстаз счастья, очевидно, надрыв духа» (с. 17). Дионисийское состояние, по мысли Иванова, не только психологическое или биологическое состояние сознания, но это религиозное миропонимание. Эта мысль привлекла внимание Блока, и он выделил это место отчеркиванием на полях (с. 19).

Ему как поэту-лирику и читателю близки не только анализируемые Ивановым дионисийские состояния религиозного сознания, но и эстетические категории восхождения и нисхождения, разрабатываемые Ивановым в его философии искусства. В этом плане показательна статья «Символика эстетических начал», привлекавшая внимание Блока, о чем говорилось выше. В ее тексте Блок выделяет ключевые фразы, связанные с трактовкой «восхождения» / «нисхождения», например: «Нас пленяет зрелище подъема, разрешающегося в нисхождение» (с. 25). Дионисийский феномен Иванов оценивает как явление религиозное и выходящее за пределы эстетики, что также важно для Блока, отчеркнувшего фрагмент текста на полях, начинающийся словами: «Так Красота, всякий раз снова нисходя на землю с дарами Неба, знаменует вечное обручение Духа с Душою Мира, являясь пред нами непрестанно обновляющимся прообразом и обетованием вселенского Преображения» (с. 27); «Красота христианства — красота нисхождения. Красота христианства дала человеку прекраснейшие слезы, слезы человека над Богом. Прекрасен плач мироносиц... Эти восхождение и нисхождение — лестница, приснившаяся Иакову...» (с. 28).

Блок не обходит вниманием и третий важнейший принцип философии искусства у Иванова — принцип «хаотического» (подчеркнуто Блоком) как явление «демоническое, начало наших эстетических волнений» (с. 29), которое «окончательно упраздняет все грани» (отчеркнуто на полях) (с. 30). Цель искусства — утратить личное я, став носителем идеи сокровенного бога как преображенная личность. Весь абзац, где Иванов развивает эту идею, также отчеркнут на полях.

В то же время здесь есть и пометы полемической направленности. Например, Блок не согласен с мыслью автора о том, что скрытое начало добра выявляется в нисхождении: в статье «Символика эстетических начал» фрагмент отмечен знаком минус (с. 27).

Наибольший интерес, судя по частотности помет, вызвала у Блока статья Иванова «Две стихии в современном символизме». По характеру помет видно, что Блоку созвучно ивановское опре-

деление природы символа. Он подчеркивает следующие фразы и словосочетания: «знак, или означенное»; «иероглиф»; «многозначный»; «в каждом плане иные сущности»; «знаменем, смысл которого раскрывается в соответствующем мифе»; «символика — система символов»; «символизм — искусство, основанное на символах»; «знамения иной действительности»; «так, истинное символическое искусство прикасается к области религии» (с. 247—248). В связи с идеей реализма как принципа верности вещам он записал на полях: «Срвн. Рескин» (с. 250), считая эту идею близкой идеологу прерафаэлитского движения в Англии Дж. Рёскину — поэту и художнику, эстетический опыт которого был для него весьма значим.

На полях выделен отчеркиванием следующий важнейший для философии искусства Иванова фрагмент: «Избирая метод чисто описательный, мы рассуждаем об имманентном творчестве миросозерцании художника и надеемся утвердить результат, что только реалистическое миросозерцание, как психологическая основа творческого процесса и как первый импульс к творчеству, обеспечивает религиозную ценность художественного произведения: чтобы „сознательно управлять земными воплощениями религиозной идеи“, художник, прежде всего, должен верить в реальность воплощаемого» (с. 251).

Выделение Блоком на полях больших фрагментов, где Иванов обосновывает принципы реалистического символизма, показательно. Знаком NB отмечено суждение Иванова о Платоне, упрекавшем искусство в том, что оно берет свои образы не в идеях вещей, а в реальности. Знаком NB также отмечена центральная ивановская мысль, восходящая к платоновской идее о начале означенности и начале преобразования (с. 255). Блок следит за мыслью автора о разделении искусства на идеалистический и реалистический символизм: подчеркивания отдельных слов и отчеркивания фрагментов на полях говорят о важности для него этой идеи.

Таким образом, 1900-е гг. — период наивысшего интереса Блока к творчеству Иванова. В это время Блок выстраивает стратегию авторской идентичности через постижение философской прозы теоретика русского символизма. Эстетическое переживание сложного комплекса идей Иванова, отраженное в его философской прозе, сама проза как «поэзия мысли» вызывали ответные творческие интенции в сознании Блока. Его волновали выдвигаемые Ивановым проблемы, и он развивал некоторые «внутренние» его

темы, важные для становления художественного сознания. С одной стороны, Иванов как поэт и мыслитель открывал ему новые горизонты творческого развития, давал «ключи» к пониманию символизма как религиозно-философского направления. С другой стороны, насаждаемый Ивановым символистский канон, его приязнания на роль гегемона «большого искусства», абсолютизация дионисийства как религиозного служения вызывали полемическую реакцию Блока⁵⁵. В 1910-х гг. его отношения с Ивановым обострились в связи с полемикой вокруг кризиса символизма и путей его дальнейшего развития, что совпало с творческим переломом в эволюции самого поэта.

⁵⁵ См. об этом: Кузнецова О. А. Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова»: Обсуждение доклада Вяч. Иванова // Русская литература. 1990. № 1. С. 200—207; Богомолов Н. А. 1) К истолкованию статьи Блока «О современном состоянии русского символизма» // Богомолов Н. А. Русская литература и оккультизм. М., 2000. С. 186—210; 2) Из разысканий к истории дискуссии о символизме 1910 года // Богомолов Н. А. От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 84—103; Грякалова Н., Титаренко С. 1) Маргиналии А. Блока на статьях теоретиков символизма (К феноменологии и герменевтике чтения) // Die Welt der Slaven: Internationale Halbjahresschrift für Slavistik. München; Berlin, 2017. Jg. LXII, Heft 1. S. 100—115; 2) А. Блок в полемике с теоретиками символизма и акмеизма (к пересмотру литературного канона) // 45th International Philological Conference (IPC 2016). Ser.: Advances in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR). Amsterdam; Hong Kong; Paris, 2017. Vol. 122. P. 260—263.